

Оксана

Обухова

Женский детектив

МИСС МАРПЛ ИЗ КОММУНАЛКИ

Надежда Прохоревна
обмерла — на нее во весь
опор начался грузовик...

18+

Детективное агентство «Нафталин»

Оксана Обухова

Мисс Марпл из коммуналки

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Обухова О.

Мисс Марпл из коммуналки / О. Обухова — «ЛитРес: Самиздат»,
2009 — (Детективное агентство «Нафталин»)

Пожилая женщина, по версии милиции, умерла, упав со стремянки. Но бдительная пенсионерка Надежда Прохоровна, соседка погибшей, сразу поняла: здесь что-то не сходится. Ведь в большой коммунальной квартире после этого случая стало происходить необъяснимое... Ночные стуки, котенок, вдруг появившийся в наглухо закрытой комнате, труп мясника-таджика с ножом в спине... И если знаменитая мисс Марпл стала детективом из любви к справедливости, то бабе Наде нужно обязательно найти криминального призрака, чтобы просто выжить...Серию продолжит роман "Смерть - плохая примета".Обложку оформил И. А. Озеров.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	35

*Моей бабушке и старым, заросшим лопухами и сиренью дворикам
с любовью посвящается*

Пролог

Зеленый мокрый лист сорвался с клена и с чавкающим смачным звуком ударил в окно.

Прилип.

Лейтенанту Бубенцову показалось, что кленовый лист шлепнул не по стеклу, а по левой его щеке, за которой ныл простуженный на рыбалке коренной зуб.

Застуженный нерв отозвался на шлепок пульсирующей болью, в ухе как будто взорвалась петарда. Алеша скривился и с тоской оглядел свой скромный рабочий кабинет: обтертый по углам письменный стол, стул для посетителей, скрипящий дверцами шкаф с отделением для верхней одежды и книжными полками, сейф на тумбе.

Сходить, что ли, к зубодеру?

Пусть попытает десять минут, зато потом благодать...

Но у дантиста лейтенант Бубенцов уже был. Кариеса в ноющем зубе врач не обнаружил, посоветовал примочки и физиопроцедуры.

Процедуры не помогли.

Зуб, ознакомленный с последними достижениями медицинской науки, ехидно продолжил ныть.

Вырвать его, что ли, к едрене фене?!

Глухая, обитая изнутри бордовым дерматином дверь распахнулась без предупредительного стука, и в кабинет участкового Бубенцова вошла Надежда Прохоровна Губкина. Соседка по дому, пенсионерка и попросту баба Надя. Была она в коричневом пальто и алом вязаном берете, с закрытого зонта слезливо капал прокравшийся к участковому холодный сентябрьский дождь. Баба Надя – крепкая суровая особа семидесяти пяти лет – шмякнула на стол перед Алешей непрозрачный черный пакет, узлом завязанный поверху, оглядела лейтенанта Бубенцова слегка неприязненно и сказала густым старушечьим басом:

– Ну что? Дождь, голубь...

– Чего? – упрятав голову в плечи и сглотив, поинтересовался участковый.

– Смертоубийства, – известила суровая старуха, и у Алеши тут же болезненно сжался недоубитый анальгином желудок.

...Шесть дней назад Надежда Прохоровна уже была в этом кабинете. Сидела на скрипучем «посетительском» стуле и убеждала Алексея Андреевича в том, что ее соседку по коммуналной квартире Клавдию Тихоновну Скворцову убили.

– Ну не могла Клавдия сама на стремянку по лезть, – гулко связывая предложения, басыла упрямая старуха. – Не могла. Незачем.

– Надежда Прохоровна, – стараясь быть убедительным, мямлил Алеша, – стремянка стояла под люстрой...

– Вот именно – стояла! – упорствовала Губкина. – Если бы Клавка с нее упала, стремянка б тоже рухнула!

– Не обязательно, – кривился лейтенант. – Стремянка могла устоять.

– А чего Клавка вообще туда полезла?! – горячилась Надежда Прохоровна. – Лампы – горели...

– Она их могла уже поменять...

– Да чего там менять-то?! – Посетительница и участковый безостановочно перебивали друг друга. – Они ж все пыльные! Не меняла она ничего...

– Лампа могла загореться снова от легкого прикосновения...

– Ага, чего удумал. А где тогда новая лампочка? Куда она делась?!

– Клавдия Тихоновна могла вначале залезть на стремянку, проверить...

– Ага, – снова с вредностью закивала старуха. – Слезать – посмотреть. Она что, лазальщица ненормальная – туда-сюда ползать?! Она б новую в карман положила...

– Забыла!

– Чего это она могла забыть – у нее мозгов побольше, чем у тебя, было!

За пять дней до этого разговора Алеша лично побывал на месте происшествия. Встретился с дежурной опергруппой, прибывшей по звонку Надежды Прохоровны:

– Милиция? Приезжайте срочно, у нас убийство.

На этот призыв убойный отдел откомандировал лучшие силы во главе с капитаном Дулиным.

Примерно через час, посоветовавшись, медэксперт, следователь и старший в группе Дулин признали труп некриминальным.

Клавдия Тихоновна Скворцова – пенсионерка восьмидесяти двух лет – полезла на стремянку заменить погасшую лампочку, не удержалась на верхотуре, упала и ударилась затылком об угол серванта мебельной стенки.

Отчего последовал перелом шейных позвонков.

...Сухонькая, с коричневыми кругляшками на синевато-белой коже Клавдия Тихоновна лежала под стремянкой и смотрела на виновницу происшествия – люстру с пятью открытыми плафонами – блекло-серыми глазами с неизъяснимым удивлением. И даже гневом.

Страх от падения и тенью не запечатлелся на ее лице. Как будто, улетаая вниз, Клавдия Тихоновна ожидала встретить затылком не угол деревянного серванта, а гору мягких подушек.

Сиреневый халат из застиранной фланели чуть распахнулся на высохшей старушечьей груди, под ним покойная носила доисторическую хлопковую рубашечку с подштопанными кружевами.

Смерть восьмидесятилетней старушки никто не хотел рассматривать как криминал.

Отсутствие в кармане халата какой-либо – новой или перегоревшей – лампочки, наличие полностью рабочих плафонов и устоявшая стремянка давали повод для размышлений...

Но смерть старушки никто не хотел рассматривать как криминал... Оперативники, следователь, эксперт были чужими в этой огромной коммунальной квартире, где жили три бабульки и один чудаковатый дядька. Алеше Бубенцову здесь был знаком каждый угол. Лет двадцать тому назад, в суровые постперестроечные годы, детский сад Алешки закрыли по техническим причинам – крыша протекала так, что на детские кроватки не малышкой на дневной сон укладывали, а ведра с тазами ставили, – и мама привела сюда, к бабе Наде, пятилетнего Алешу и трехлетнюю Светлану. Надежда Прохоровна – главная старуха большого дореволюционной постройки дома – легко приняла к себе ребятишек, которых работающие родители не могли оставить дома одних. Мама и папа крутились с утра до ночи, стараясь прокормить семью на деньги-крохи, теряющие свою бумажную цену каждую неделю, и совершенно не имели возможности присматривать за детьми днем. Баба Надя взяла над ними руководство и вначале все полгода, пока ремонтировали сад, а затем время от времени занималась *воспитанием*.

Потом Алеша пошел в школу. Но и из группы продленного дня сбегал делать уроки сюда, в большую квадратную комнату бабы Нади, где в одном углу тихо играет в куклы Светлана, рядом постукивает спицами уютная бабулька, довязывая очередной носок под мерный дикторский голос, несущийся из радиоприемника.

Тогда в квартире пахло пирогами. И духами «Быть может». Их тайком таскала Светлана из стеклянной горки, заполненной всяческими «чудесами»: стеклянными бусами, перламутровыми брошками, пустыми фигурными баночками и флакончиками, сверкающими пуговицами и значками, ракушками, пером неведомой радужной птицы, – и мазала кукольные уши своих Марин и Танек.

Наверное, баба Надя об этом знала...

В недавний августовский день в квартире пахло смертью. И чужими людьми. В прокуренной одежде.

Баба Надя дергала за рукав капитана Дулина и требовала рассмотреть претензии к следствию:

– Ты смотри, милоч, смотри внимательно. Не могла Клава одна на стремянку полезть. Она б нас дождалась...

Кэп Дулин – легенда сыска – морщился от обращения «милоч» и осматривался невнимательно. Потертая тапка, слетевшая с высохшей ступни, – нашли под стремянкой. Стремянка стояла правильно – как раз под белыми плафонами. Погибшая лежала возле серванта, за выступ-угол которого зацепился вырванный клочок седеньких волос.

– Покойная была в квартире одна? – налегая на слово «одна», спрашивал капитан.

– Да, – кивала Надежда Прохоровна.

– Входная дверь заперта на ключ?

– Да.

– Кто-то из посторонних лиц имеет ключи от вашей квартиры?

– Нет.

– Тогда в чем дело? Квартира была закрыта. Покойная лежит под стремянкой. Ссадина на затылке полностью совпадает с конфигурацией угла, иных следов насилия на потерпевшей нет...

– Ты мне голову конфа... конфу... конфигурациями не морочь! Не могла Клавдия одна на стремянку полезть!

– Она плохо передвигалась?

– Нет, хорошо.

– Она была в состоянии без посторонней помощи подняться на пять ступенек?

– Могла. Но...

– Надежда Прохоровна, остыньте и не мешайте нам работать. Ваша соседка погибла случайно. Это – несчастный случай.

– Несчастный случай – у тебя в мозгах!

Через несколько дней после похорон Клавдии Тихоновны баба Надя пришла к участковому Бубенцову и продолжила развивать тему:

– Твой капитан дурак. И лодырь первостатейный.

– Надежда Прохоровна...

– А ты не перебивай! Дослушивай старших. Не могла Клавдия одна на стремянку полезть. Она б нас дождалась. И лампочки все горели.

– Но медицинская экспертиза установила причину смерти! Она произошла из-за падения с лестницы!

– Дурак твой медик, – стояла на своем бабушка Губкина. – А ты умнее будь! Вот зачем она наверх полезла без новой лампочки? Да еще в светлый день? А вечером ведь все лампы горели...

Алеша куксился, чесал в затылке и все никак не мог убедить бабу Надю переадресовать эти вопросы начальнику убойного отдела.

– Ходила я к нему, – упорствовала Губкина. – И к его начальству тоже ходила.

– И что? – с надеждой спрашивал притомившийся лейтенант.

– А ничего. Дураки они все. И лентяи, думать не хотят. Стремянку кто угодно под люстру мог подставить, она завсегда в кладовой наготове стоит.

– Да кто ее мог подставить?!

– Да кто угодно, – кудахтала баба Надя, и алый берет трепыхался задиристым петушиным гребнем. – На нашу квартиру давно зарятся. Взять хотя бы этого черта нерусского, что за стеной живет...

Алеша тихо стонал. Два года назад в соседней сорок первой квартире поселилась семья таджиков.

– Ты его проверь как следует. Что-то уж больно они тихие...

Понятно. Шумные – плохо, спокойные – подозрительно. Бдительная бабушка Губкина убедила Алешу нанести визит в сорок первую квартиру.

– Они нормальные люди, – стараясь быть и, главное, выглядеть убедительным, говорил Алеша. – Нурали работает на рынке, мясо рубит, жена за детьми присматривает.

– А деньги где на квартиру взяли?

– Заработали! Скопили! Родственники помогли!

– Ага, как же – заработали, – поджимала губы соседка, – видели мы таких работающих. Воруя небось.

Алеша в сердцах отшвырнул шариковую ручку.

– Баб Надь, да что вы, в самом деле... – пробормотал расстроено. – Вы что, забыли, кто в той «малолитражке» раньше жил? Дядя Слива. Квартиру пропил, рыночные деяги ее за гроши купили...

– За гроши, – не сдавалась Губкина. – Купили за гроши, а продали за сколько?

– Алиев рынку свой! – для убедительности чуть прикрикнул Бубенцов, до смерти уставший ковыряться в беспредметных вопросах, и, переходя на доверительный родственный тон, склонился над столом. – Ну, сами посудите. Зачем таджику Алиеву ваша квартира? Они на эту-то еле наскребли... Всем аулом...

– А ты прописку у них проверял?

– И прописку, и регистрацию, все у них в порядке. Квартира в собственности, как гражданин другого государства, регистрируется своевременно.

– А чего они по ночам шуршат?

– Как это – шуршат? – не понимая, отстранился участковый.

– А так вот. Шур-шур-шур каждую ночь. Они у меня за стенкой живут. Я все слышу. Ночь-полночь, а они все шур-шур-шур. Шур-шур-шур...

Ксенофобией бабушка Губкина на памяти Алеша никогда не страдала. К узбеку-дворнику Талгату относилась вполне сердечно, шарф и шапку из козьей шерсти связала, жене Алие подарила тюль для служебной дворницкой квартирки...

– Баба Надя, ну чем они там шуршать-то могут?!

– А вот сходи и проверь. Может, деньги тайком печатают да на нашу квартиру зарятся. Их там шесть человек с детьми на одиннадцати метрах. Не наши хоромы.

– Господи, твоя воля, – вздыхал Бубенцов и еще раз ходил к Алиевым.

Пугал таджиков до нервной икоты и шарил глазами по всем углам, разыскивая печатный станок и прочие подозрительные странности.

Шуршание же, по мнению Алеша, могла издавать раскачиваемая ночами люлька, установленная на распорке так близко к стене, что почти по ней елозила. В одиннадцатиметровой комнатухе, где ютились двое взрослых и четверо детей, много шуршания просто быть не могло, ночами все свободное пространство занимали разложенные постели.

Но впрочем, странно. Толщина стены, разделяющей две квартиры, была чуть ли не метровой...

– Вот смотри, Алешка, – преследовала участкового бабушка Губкина. – Как у нас тут все получается. Арнольдович пропал? Пропал. Уже месяца два как нету. Не пишет, не звонит.

Сосед по квартире бабы Нади действительно пропал. Исчез в середине лета из коммуналки, не предупредив соседок, и не подавал известий почти два месяца.

Но в «контингент» участкового Вадим Арнольдович никогда не попадал. Пьющим и загульным не числился...

– И вот смотри, что получается. Арнольдовича нет. Клавдию убили... Кто следующий? Я или Софа?

Лейтенант Бубенцов чесал затылок под фуражкой и снова пытался вычислить, кто мог позариться на квартиру номер сорок, где проживали один чудаковатый Арнольдович, две вдовы Клавдия и Надежда и пожилая девица Софья Тихоновна, бывшая единокровной сестрой погибшей гражданки Скворцовой.

– Все комнаты у нас приватизированы, – логически добивала Надежда Прохоровна. – Двух жильцов уже нет. Остались только мы, старухи, – дунь, загнемся. Кому хоромы достанутся?

Да, кому? – размышлял Бубенцов. Огромная, в сто пятьдесят метров квартира в старом центре Москвы...

– А комнаты вы кому завещали, баба Надя? – интересовался лейтенант.

– Все друг другу, – складно отвечала Губкина. – Чтоб, померли если, значит, никакого алкоголика не подселили. Про Арнольдовича, правда, ничего сказать не могу – не знаю. Но племянник у него есть. Шастает такой детина, на бандита лицом похожий, ну просто чистый шкаф. Проверь его, а? Не зарится ли этот шкаф на наши-то просторы?

Бегать по адресам и проверять какого-то бандита-племянника Алеше не слишком хотелось. Он пробил родственные связи Вадима Арнольдовича, нашел подходящего по возрасту племянника – никакого криминала, кроме штрафов ГИБДД, за гражданином не числилось.

– Надежда Прохоровна, а может быть, Вадим Арнольдович жив-здоров, отдыхает где-то в теплых краях... Зачем вы его прежде времени в покойники записываете?

– А ты проверь как следует, – твердила баба Надя. – Не переломисься.

Алеша обещал проверить, выпроваживал старуху за дверь и почти сразу о ней забывал.

Только вот, пробегая по двору до подъезда, теперь оглядывался – не караулит ли его снова бывшая крановщица пенсионерка Губкина.

...Сегодня Надежда Прохоровна пришла сама. Шмякнула на письменный стол черный мешок для мусора и спросила зловеще: «Дождался смертоубийства, голубь?!»

Желудок Алеша моментально напомнил обо всех съеденных таблетках, перед глазами мелькнули наиболее красочные детские видения, напрямую связанные с Надеждой Прохоровной Губкиной.

Алеше лет двенадцать. Он и еще три оболтуса сидят на лавочке и, разинув рот, глаза и уши, внимают оболтусу лет пятнадцати. Пацан пришел из соседнего двора, к его нижней губе прилипла сигарета, изо рта сыплются неумелые, пунктуационные матерные переборы...

Но четверым оболтусам он кажется всамделишным – крутым.

Паренек курит, сбрызгивает слюной асфальт через щербатый зуб, ругается матом. Невдалеке в песочнице играют девочки...

Появляется баба Надя.

– Это кто тут у нас такой важный объявился?! – басит язвительно и упирает в мощный бок налитой кулак.

Пацан криво усмехается и сплевывает папиросу под ноги бабушки Губкиной.

– Ах ты, выкидыш коровий! – рычит дородная еще Губкина, сгребает шалопая за шиворот и буквально выносит вон со двора.

Негодник вопит и брыкается, извивается, пытаясь достать ногой. Но цепкая бабы-Надина пятерня держит крепко. Гражданка Губкина наподдает пендалей огрызающемуся недорослю и под визги девочек уволакивает за угол.

Больше тот пацанчик в их дворе не появлялся. Говорят, баба Надя встретила за углом милицейский патруль и сдала оболтуса им с рук на руки, с пояснением: плевался, ругался, дрался с пожилой женщиной.

...Сейчас Алеше показалось, что еще чуть-чуть – и баба Надя сгребет за шиворот его. Бубенцов поежился, дернул щекой и, всей кожей ощущая приближение неприятностей, спросил:

– Какого смертоубийства, баба Надя?

– Вот, – Надежда Прохоровна развязала узел на пакете, – смотри.

Алеша приподнял зад над стулом, заглянул в пакет.

– Что это?! – спросил придушенно.

– Кот. Геркулес.

– Геркулес?!

– Он, родимый. – Баба Надя села на стул, достала из кармана пальто большой клетчатый платок и обтерла им губы.

Бубенцов заворуженно тарасился в темень пакета. И на какой-то момент лейтенанту даже показалось, что баба Надя шутит – в пакете лежит измусоленная пыжиковая шапка. Но у шапки не может быть когтистой лапы, усов и полосатого хвоста.

– Машина сбила? – спросил с сочувственной надеждой.

– Как же, – фыркнула Губкина. – Машина. Отравили котика!

– А зачем вы сюда *это* принесли?

– А чтоб ты на экспертизу отнес.

– Куда?! – осел на стул лейтенант и уставился на соседку.

– На экспертизу, – безапелляционно заявила та. – Чтоб там проверили, какой отравой накормили котика.

– Зачем?!

– Экий ты непонятливый, – огорчилась бабушка Губкина. – Затем! Он Софиного молока напился!

– И что?!

– Издох. Лакнул два раза, лапы вытянул и издох. Софа каждый день лекарство молоком запивает. Желудок у нее. Лекарство от сердца, а отдает на желудок. Понял?

– От молока он помер?! – разгорячился лейтенант. Сколько он себя помнил – лет десять как помнил, – Геркулес вечно бегал по двору. – Время ему пришло!

– Ты на меня тут не ори, – сурово оборвала старуха, и Алеша сразу почувствовал на воротнике кителя крепкую длань бывшей заводской крановщицы. – А слушай. Кот здоровый был. С гулянки вечером прибёг, Софа ему остатки своего молока налила. Не пожалела. Геркулес лакнул два раза, зачихал и все – лапы вытянул.

– А молоко вы куда дели? – вроде бы сдался участковый.

– Вылили. А Геркулеса схоронили.

– ?!

– Это я уже потом его выкопала, – отвечая на невысказанный вопрос, кивнула Губкина. – Чтоб Софа, значит, не переживала. Мы его в садике схоронили, я после вернулась и вырыла...

Алексей Андреевич Бубенцов без слов сполз ниже по стулу. Какое счастье, что этого никто не слышит! И не видит. Как на его стол принесли выкопанного из могилы в садике кота.

– Баба Надя, а что вы от меня-то хотите?! – взмолился Алеша и подумал: «Эх, распустил старух, скоро начнут всех погибших под колесами зверушек в кабинет стаскивать...»

Но это были только мысли. Пугливое, по-детски трепетное отношение к бабушке Губкиной навсегда застряло в душе лейтенанта Бубенцова.

«Надо было на другой участок переводиться, – подумал ненароком. – Работать там, где живешь, – ни сна, ни отдыха... Каждая бабулька тебя щенком помнит...»

– Ты, Алеша, на меня начальственными глазами не сверкай, – корила баба Надя. – Ты дело исполняй. Для которого на государственную службу поставлен. Сказано тебе: смерть кота расследовать надо – под козырек и к делу. Тебе за это зарплату каждый месяц начисляют.

– Баба Надя, кем сказано – вами?!

– Народом.

– Да у меня без всякого народа начальства выше крыши! Куда я вашего кота понесу?!

– На экспертизу. Пусть сделают анализ – от чего кот издох.

– А направление на экспертизу?! Вы что думаете – криминалистическая лаборатория частная лавочка? Принес кота в мешке и попросил? Да?

– А ты сходи. Не переломишься. Тут дело, может быть, в смертоубийстве.

– А к Дулину вы обращались? – с желанием переправить мусорный пакет в иную станцию поинтересовался Бубенцов.

– А чего к нему обращаться? – пожалала крепкими плечами бывшая крановщица. – Он – человек сторонний. В наши дела не вникнет. А ты свой, понимать должен, что без толку тревожить не стану.

Алеша сцепил пальцы в замок, посмотрел в окно, по которому медленно сползал распятый кленовый лист; его обгоняли дождевые струи, собирались на острых кончиках и стекали дальше, разделенные на полосы...

Хотелось плакать.

Взбрыкнуть, как в детстве, разобидеться и отказаться есть склизкую овсяную кашу. Или в пятый раз повторять один и тот же стих. Про «осень золотую, очей очарованье»...

– Надежда Прохоровна... – четко выговорил лейтенант, – я не могу по собственному почину носить на экспертизу то, что угодно народу.

– А ты постарайся, изобретательность прояви.

– Надежда Прохоровна... – Алеша переместил бестрепетные глаза с кленового листа на посетительницу в алом петушином берете и смутился. Выцветшие, в извивистых прожилках старушечьи глаза глядели на него, можно сказать, с упованием. – Баба Надя... Да поймите, не могу я! У меня за неделю четыре трупа на участке, начальство каждый день стружку снимает, а я тут с котом... Четыре трупа! – Он значительно воздел указательный перст к потолку. – Человечьих, прошу заметить, не кошачьих! А вы мне предлагаете тут разорваться...

Надежда Прохоровна сложила руки под объемной, утянутой коричневым пальто грудью, сделала жест эту грудь приподнимающий и нахмурилась вполне заинтересованно:

– Это какие же у нас тут трупы? Четыре. У Шаповаловых двое померло...

– Вот! А я о чем! – обрадовался перемене в разговоре участковый. – У Шаповаловых двое – Николай Петрович и Зинаида Марковна.

– Так допились они, – вроде бы вопросительно пробормотала баба Надя.

– А Куравлев и Зайцев?! Эти нормальные мужики были, работающие!

Надежда Прохоровна нахмурила лоб, собрала пучок морщин возле носа:

– Это кто ж такие?

– А вот такие! – воскликнул Бубенцов, уводя все дальше бабу Надю от мыслей об «убиенном» Геркулесе. – Куравлев раньше тут жил, помните – лысоватый такой, нос картошкой? Зайцев из тридцать восьмого дома – рыжий. Так вот. Пришли они к Зубову, инвалиду из дома напротив. Помогли обоим наклеить, тот им два пузыря выставил – два трупа, один в реанимации.

– В реанимации Петька Зубов?

– Нет, – поморщился лейтенант, – Куравлев. Говорят, ослепнуть может.

– А-а-а, – понятиливо протянула баба Надя.

– И вот начальство меня долбит: где у тебя, Бубенцов, на участке отравой торгуют? Пальной водкой, раз алкаши как мухи мрут? Кто бизнес открыл?

– Так Люська. Из «Оптики». Она на весь квартал гонит.

Воодушевленный тем, что черный пакет с Геркулесом оставлен без внимания, Бубенцов даже встал.

– А вот и нет! – произнес Алеша зловеще. – Люська третью неделю в больнице лежит со сломанной шейкой бедра. Говорят – к операции готовится. И вообще – гнала она чистейший самогон, а никак не всякую гадость для чистки стекол. Народ, баба Надя, в другую сторону потянулся... – сказал и с прищуром посмотрел на задумчивую Надежду Прохоровну.

– Марьина из пятого дома проверял?

– У Ивана Петровича змеевик недавно прогорел. Закрыта лавочка.

– А Шубина? Того, что у остановки живет...

– Баба Надя, да при чем здесь самогонщики?! Народ кто-то химией травит!

Надежда Прохоровна пошевелила губами, прогнала перед мысленным взором шеренгу ловкачей, способных ради наживы людей травить, и пробормотала:

– И что ж за пакостник такой у нас тут завелся...

– Вот и я о том же.

Соседи помолчали немного, и баба Надя выдвинула предложение:

– Ты вот что, Алешка. Отнеси котика на экспертизу, а я тебе разузнаю, откуда алкаши эту гадость таскают. Сделаешь, как я прошу?

Участковый бочком вернулся на стул. «Ченч» вроде бы представлялся обоюдовыгодным. О таком помощнике следствия, как баба Надя, можно только помечтать: она в квартале каждую собаку по имени знает. И собаку, и алкаша, и дворовых кумушек. Тут родилась, тут выросла, тут когда-то в дружинниках в дозор ходила...

Но вот нести вырытого из могилки в садике кота... И главное – кому? Бубенцов молниеносно представил негодующее лицо медэксперта Васильчикова, хорошо знакомого по встречам на его «земле»...

«Алеша, Алеша, какие коты?! Я криминальных жмуров вскрывать не успеваю!»

«Может, отнести Геркулеса Людмиле Яновне?.. Она тетка сердечная, особенно если коробку конфет к просьбе присовокупить... И шампанское.

Затрат затея стоит. Тут дело строгачом попахивает. Да и смерти могут продолжиться...»

– Ладно, баба Надя. Считай, договорились.

Надежда Прохоровна повторила жест, приподнимающий грудь, улыбнулась, демонстрируя качественный зубопротезный набор, и пробасила:

– Только смотри не обмани, Алешка. Я на тебя надеюсь.

– Хорошо, хорошо, – вернул улыбку Бубенцов. – Так что у вас там с Геркулесом произошло?

– Так я тебе рассказывала. Прибег с гулянки, Софа ему последнее молоко в мисочку...

– Я не о том, баба Надя, – изображая усердие, перебил участковый. – Кто из посторонних бывал в квартире, когда начатое молоко уже стояло в холодильнике?

– А-а-а, – уважительно протянула Губкина и тут же четко ответила на поставленный вопрос: – Никто. Только я и Софа. Племянница к нам еще в гости приезжала, но к тому времени вроде как уехала...

– Чья племянница? – поднял брови лейтенант. Соседок из сороковой квартиры он знал отлично и ни о каких родственниках раньше не слышал. Только о двоюродной сестре бабы Нади, но та умерла два года назад в Питере.

– Ой, – заерзала, заскрипела стулом Надежда Прохоровна, – дак разве ж я тебе не говорила?! Племянницу, точнее, внучку Софа из Перми вызвала! Тройродную! Зовут Анастасия, работает фельдшером на подстанции, хочет в Москву перебраться...

– Так-так-так, – забубнил участковый.

Промерзший на рыбалке зуб согрелся, перестал нудить. За окном лил дождь. В кабинете тепло, обогреватель шпарит, и занят он непосредственным делом – работает с населением,

жалобу рассматривает. Попозже можно будет и чайку вскипятить... А то из-за этого проклятого зуба маковой росинки во рту не было.

– И откуда эта внучка-племянница взялась? Так вдруг...

– Из Перми.

– Это я понял, – терпеливо кивнул отогревшийся душой Бубенцов. – Почему раньше баба Клава говорила, что нет у них с Софьей Тихоновной никаких родственников?

– А потому, – Надежда Прохоровна наклонилась вперед и зашептала, – что Настин дед первого мужа Клавдии в НКВД сдал. В контрах они.

– Да что вы говорите?!

– Да-да. Донос написал, Эммануила Сигизмундовича в пятьдесят втором и взяли. Он на дому золотые коронки делал, вечером за ним пришли и в тюрьму свезли. Сигизмундович даже до суда не дожил. Заболел в камере воспалением легких и за две недели в больничке сгорел. Так-то вот.

Лейтенант задумчиво побарабанил пальцами по столу. О первом муже Клавдии Тихоновны Эммануиле Сигизмундовиче, почему-то Скворцове, он краем уха слышал. Вроде бы тот действительно был дантистом, причем питерским. Сюда уже после войны приехал и поселился у жены. И дантистом он, говорят, был хорошим. В его протезах по сорок лет гуляли...

Но вот о том, что умер врач в тюрьме, слышал впервые.

А баба Надя тем временем рассказывала:

– Михай-то, доносчик, был мужем двоюродной сестры Клавдии – Лиды. Приехали они из деревни в пятьдесят первом, Михай на работу охранником в НКВД устроился, Лида на завод пошла, а поселились у Клавдии. Та им угол в большой комнате определила, приютила по-родственному, а вишь, как отплатили – мужа в НКВД сдали.

– Бывает же такое...

– Бывает, бывает, – покивала баба Надя. – В те времена и не эдакое было. И вот Клава тогда сказала: знать не хочу об этих родственничках, забыть о них – и все.

– А Софья Тихоновна...

– А Софья писала иногда. Скрытно. Нашла открытку с пермским адресом и срочно вызвала Анастасию на похороны. Все ж родная душа под боком. Не абы кто.

– И теперь эта Настя хочет перебраться в Москву?

– Хочет. Она тоже одна, сиротинушка, осталась. Мать в позапрошлом году схоронила – от рака Мариночка померла, – отца не помнит.

– А бабушка Лида, дед?

– Лиду еще в шестьдесят восьмом схоронили. Михай сгинул. Сначала к бабе какой-то ушел, а потом и вовсе откликаться перестал. И вроде, говорят, арестовали его в пятьдесят восьмом... Стройматериалы, что ли, какие-то упёр...

– Понятно. Значит, будет теперь у вас молодая особа проживать? – с туманной, подталкивающей к размышлениям интонацией проговорил участковый.

– Ну да, будет. Настя, фельдшер она, мне укол сделала, я даже не почувствовала, такая рука легкая... А Софа так вообще рада-радешенька: и врач в доме, и внучка. У Софы ведь сердце пошаливает. Правда... – баба Надя прищурилась, – думаю, сочиняет больше. В прошлом месяце скорую вызывали, жаловалась – прихватило. А врач приехал, кардиограмму снял, говорит – невралгия. Межреберная. Но таблетки пьет.

– Значит, перебирается к вам Настя насовсем?

– Перебирается, – кивнул гребешок берета. – Мать померла, с женихом, говорит, рассорилась, а здесь как-никак родная кровь – троюродная бабка. Софья бы и раньше ее вызвала, да Клава не велела. Нет у нас родни, и точка!

– Сурово, – покачал головой Алексей.

– А то как же, – согласилась Надежда Прохоровна. – Клава им Эмку до конца дней не простила. Первая любовь он у нее.

– А зачем Михаил и Лидия этот донос написали, баба Надя?

– А как же! – поразилась бабуля недогадливости бывшего воспитанника. – В те времена как – муж дома золото отливал, значит, и жена виновата. Арестовали б обоих, комнаты Кузнецовым достались. Михей же в НКВД работал, считай – своим родственничка сдал. Но Эмка сразу заболел – его в одной курточке домашней на мороз вывели – и помер. Даже на допросе-то толком не был. Так что не вышло у Кузнецовых ничего. Точнее, у одного Михея не вышло. Лида-то о доносе знать не знала.

– Но Клавдия Тихоновна не простила обоих, – подвел итог лейтенант.

– Обоих, – вздохнула баба Надя. – А Софочка, добрая душа, связь с Лидой поддерживала. Писала иногда тайком, с праздниками поздравляла. Все ж родная кровь, двоюродная сестра по отцовской линии. Так я надеюсь на тебя, Алеша?

Никакие воспоминания не могли отвлечь Надежду Прохоровну от цели визита. Поднявшись со стула – тот жалобно скрипнул, – она подошла к черному пакету, заглянула в него и добавила:

– Не обмани старуху, сынок. Я на тебя надеюсь.

Больной зуб, четко отреагировавший на скрип стула, заставил Бубенцова скривить лицо.

– Не обману, баб Надя, не обману. Только и вы знайте – скоро такие дела не делаются.

Для экспертизы время требуется.

– Я подожду, – серьезно мотнула беретом бабушка Губкина. – Сколь надо, столько и подожду. Главное – ты проверь, от чего котик помер.

– От старости, – едва слышно буркнул лейтенант и проводил посетительницу до двери.

Вечером в половине девятого участковый Бубенцов понуро плелся к своему дому. Руку его оттягивал пакет с кошачьим трупом, отвергнутым экспертами категорически.

И в том их право.

Васильчиков пытался подсластить отказ объяснениями о каких-то дорогих подотчетных реактивах, полнейшим отсутствием свободного времени. Сердечная Людмила Яновна по-простому послала к... ветеринарам.

– Туда, Бубенцов, туда, – сказала рассеянно и подтолкнула лейтенанта к выходу хлопком теплой ладони по спине. – Иди, дорогой, иди, не мешай работать.

Но телефончик некоей ветеринарной лаборатории все же дала. Алеша позвонил немедля и получил туманное обещание обязательно вскрыть кота, но – после-послезавтра.

Или завтра. Но за большие деньги по хозрасчету.

А после-послезавтра по благу. Поскольку – от Людмилы Яновны...

Алеша нес в руке пакет и придумывал слова, какие скажет маме, прежде чем упрятатьдохлого Геркулеса в домашний морозильник.

«Надо было Надежду Прохоровну к ветеринарам отправить! – раскаивался между делом. – Она б из них всю душу вынула. А то и заплатила. Она старуха богатая...»

Представить, как мама находит в морозильнике подсунутого тайком кота, было совершенно невозможно – мама идохлых тараканов до смерти боится, куда уж тут ей Геркулеса невзначай подкладывать. Да и Светка беременная, тошнит ее постоянно, а тут мертвые животные в морозильнике возле заиндеветших пакетов с филеями, что щедро запасает дальнобойщик муж, проезжая по городам и весям с не-московскими ценами...

И в сороковую квартиру никак нельзя! Софья Тихоновна об эксгумации ни сном ни духом...

Лейтенант поднял голову – на втором этаже светилось чуть зашторенное бабы-Надино окошко. Желтый свет рассеивался по кокетливому ажурному балкончику, золотил листья древ-

него вяза; свернув во двор, лейтенант столкнулся с дворником Талгатом, везущим куда-то свою груженную граблями, лопатой и мусорным ведром тележку.

– Талгат, – решил внезапно Алеша.

Дворник распрямился, оторвал налегающую на ручку грудь и отер рукавом спецовки лоб:

– Здравствуй, начальник.

Шутливое обращение «начальник» узбек начал использовать, едва участковый впервые появился во дворе при милицейской фуражке.

– Добрый вечер, Талгат. Не мог бы ты выполнить одно важное поручение?

– Какое, начальник? – простодушно поинтересовался дворник.

– Похорони кота. Где-нибудь на задворках, а?

– Кота? – удивился узбек.

– Да, из сороковой квартиры.

– Геркулеса, что ли?

– Угу. Закопай где-нибудь и... не говори никому. Ладно?

– Как скажешь, начальник.

Талгат принял черный пакет, положил его в ведро и снова налег животом на ручку тележки.

Дворник взял из рук Алеши «груз-двести», но легче участковому от этого не стало.

В неестественность Геркулесовой смерти Бубенцов не верил ни секунды. И в том, что Клавдия Тихоновна погибла случайно, не сомневался ни минуты. Для причинения кому-то смерти надобен мотив. А какой мотив может быть у предположительного преступника, свернувшего шею никчемной старушки?

Никакого. Ни денежного, ни квартирного, – что бы там ни выдумывала Надежда Прохорова, – ни личного. Безвредная, слегка скандальная гражданка Скворцова никому не была интересна. Разве что своим соседкам – Надежде Прохоровне и Софье Тихоновне.

Да и дверь квартиры была заперта...

Придумывает что-то баба Надя. Развлекается страшилками от нечего делать и занятых людей отрывает.

Лейтенант Бубенцов слегка припудрил щечки покрасневшей совести, велел ей вести себя смирно и, сбив на затылок фуражку, молодецовой поступью пошел домой, кушать обещанный мамой рассольник – банка с солеными огурцами нынче очень вовремя взлетела на воздух – и заедать его картофельным пюре с котлетами в хрустящей панировке...

– Никому мы, Софа, не нужны, – помешивая ложечкой сахар в чае, говорила Надежда Прохорова.

В большой квадратной комнате было тепло от включенного электронагревателя. На круглом столе под кучерявым абажуром стояло варенье в розетках и вазочка с шоколадными пряниками. Надежда Прохорова только что призналась – эх, знал бы Алеша! – что без согласия хозяйки произвела эксгумацию невинно убиенного Геркулеса.

– Кому мы нужны, две старухи? – горестно твердила бабушка Губкина. – Никому. По их понятию – и так одной ногой в могиле...

– Не надо так, Наденька, – ласково увещевала Софья Тихоновна, дама розовенькая с седыми, почти сливающимися с первоначально пепельным оттенком кудряшками. В широко раскрытых голубых глазах ее уже не плескался ужас от полученного известия – ее друга, Геркулеса, больше нет в могилке под аккуратным холмиком, – в них полоскались печальное участие и понимание момента. – Тебе надо было сразу мне сказать о подозрениях, я б молоко из миски не выплескивала...

– Сама задним умом крепка, – припечатала Надежда Прохорова. – Но теперь уж делать нечего. Авось Алеша не обманет, сделает все как следует.

– Сделает, Наденька, сделает. Не обманет.

– Но и мы, Софа, должны расстараться. – И бабушка Губкина деловито поведала приятельнице о договоре, заключенном с участковым лейтенантом. Слово в слово передала Софье Тихоновне историю о четырех отравленных бедолагах и в заключение сказала: – Я Алешке этого отравленца отыщу. Сдам душегуба. Тогда и Алешке будет стыдно мою просьбу не выполнить...

– А как ты его сдашь? – удивилась Софья Тихоновна и откусила крошечный кусочек пряника. – Как найдешь?

– А чего тут искать-то? – усмехнулась главная квартальная бабулька. – Знамо где, у гаражей кучкуются.

– Кто кучкуется? – В безмятежных глазах бывшего библиотечного работника Софьи Тихоновны светилось искреннее желание помочь в богоугодном деле.

– Известно кто – ханурики. Вот смотри, Софа. – Надежда Прохоровна налегла грудью на стол, раздвинула блюда и чашки и на свободном месте принялась чертить пальцем план местности: – Это дом Петьки Зубова. Это гаражи, где он свою инвалидную машину держал. «Запорожец», правда, но с ручным управлением. Я этого Петьку Зубова вот с таких пор, – рука бабушки Губкиной отмерила рост вровень со столешницей, – знаю. И там же, у гаражей, вечно отираются... мгм... отирались Колька с Зинкой Шаповаловы. У них там как медом намазано, с самого утра кучкуются.

– С утра? Они не работали?

– Их работа, известно дело, – водку трескать да пустые бутылки возле ларьков собирать. Но ты слушай. Зубов с Шаповаловыми не дружил. Он сам по себе. Малопьющий, но жадный. И вот что я думаю, Софа... Где, как не у гаражей, они могли перехлестнуться, а? Не ходил ли Петька перед ремонтом к себе в гараж? За кистью какой иль стамеской?... Ведь только там Петька с Колькой могли перехлестнуться... Встретились, думаю, значит, Петька ему паленой водки предложил, а Зубов – жадный. За рупь удавится. Мог – взять. Себя и нормальных мужиков отравить. Как думаешь?

Советник в подобных вопросах из Софьи Тихоновны, по совести сказать, был никудышный.

– Не знаю, Наденька, не знаю.

– И я не знаю, – неожиданно призналась Надежда Прохоровна, по большей части подобных заявлений не любившая. – Но видела недавно вот что. Недели две назад у гаражей стояла большая машина с фургоном. А Колька Шаповалов какие-то картонные коробки в гараж перетаскивал...

– В чей гараж? – перебив, быстро уточнила Софья Тихоновна. – В зубовский?

– Не поняла, – отмахнулась Надежда Прохоровна. – В зубовский иль в соседний, но в какой-то гараж ящики он перетаскивал. Точно. И расплатиться с ним могли той же водкой... Иначе – откуда она у нас в квартале вдруг взялась? Не было, не было – и вдруг нарисовалась. И отравились только те, кто возле гаражей бывает. Поняла?

– Не знаю, Наденька. Как-то это все... зыбко...

– Зыбко ей, – буркнула Губкина. – Сама понимаю! Но начинать-то откуда-то надо. Так лучше – с гаражей. Это одно общее место, где они встретиться могли.

– А если Петя Зубов купил водку в другом месте, но там же, где и Николай Шаповалов?

– И-и-и, – протянула Баба Надя, – чего придумала... Да Петька на своих костылях только до гаража и доползал-то! Есть ему время по людям бегать, дешевого пойла искать. Тут, я думаю, так – нарвался случайно на палёнку и рад-радешенек. Два червонца сэкономил...

Наклонив вбок кудрявую головку, Софья Тихоновна с уважением смотрела на Надежду Прохоровну. Надин могла не понимать в тонкостях бельканто и меццо-сопрано, могла перепутать Зоценко и Винокура, назвать Есенина Алешей (по одной ей ведомой какой-то ассоциа-

ции) и приписать его стихотворение Маяковскому, но во всем, что касалось прочих, бытовых мелочей, она была недостижима. Тем более если речь затрагивала криминальную тематику... Тут равных ей нет. Все милицейские сериалы и хроники просматривает с регулярным постоянством, телевизионных ментов по именам знает и ни за что не ошибется, где Дукалис, где этот... как его... с пушкинской фамилией – вот, Ларин! Кажется...

– Я завтра, Софа, к дочери Зубова пойду, – говорила меж тем Надин. – Спрошу, сдавал ли батюшка кому гараж под склад?

– А может быть, лучше Алешу направить? – тихонько предложила Софья Тихоновна. – У него это увереннее получится...

– И-и-и, что придумала?! – возмутилась поклонница сериальных ментов. – Да они как Алешкину форму увидят – вмиг разбегутся хуже тараканов! Да и я тоже... – задумалась вдруг, – не совсем там к месту...

– Надя, – упорствовала разумно-осторожная библиотечная дама, – а ты направь Алешу к дочери Зубова...

– К Таньке?! Дак Танька вылитый папаша! За рупь удавится! От лишнего куска в жизни не откажется, гараж хоть террористам сдаст!

– Да ну, Наденька, ты придумываешь...

– Не придумываю я ничего. Я их семейку сызмальства всю наперечет знаю. Танька от гаража в жизни не откажется, машины в ней сто лет как не бывает, но под склады – сдают. Видала.

– Но Петр умер, – напомнила Софья Тихоновна. – Гараж и так скоро отберут, он на инвалида был оформлен.

– А ты попробуй что-нибудь у Таньки отбери, – ухмыльнулась Надежда Прохоровна. – Пять лет юлить будет, старыми бумажками прикрываться, но лишней недвижимости не отпустит. Ты вот что, Софа, когда я к ней пойду, покрутись возле гаражей, разнюхай, не оттуда ли паленой водкой торгуют.

– Я?! – возмутилась Софья Тихоновна и прижала аккуратные ручки к груди.

Она. Возле гаражей, которыми детей пугают... И зажмурилась.

– Ты, ты. Оденься поплоче...

– Зачем?!

– Чтоб внимания не привлекать, – отрезала соседка. – Увидят, пусть думают – пустые бутылки собираешь...

Боже. Пустые бутылки! Софья Тихоновна задрала очи горе и надавила ладонью на сердце.

– Ничего, ничего, – деловито бормотала Надежда Прохоровна. – Походишь, помотришь, я с Танькой побеседую... Авось выручим Алешку, и он нас не забудет.

Часть первая

Безрадостный свет серого сентябрьского утра едва пробивается сквозь шторы. Почти темно. Щелчки деревянных часов-ходиков не перебивает звук дождя; синоптики не обманули, будет пасмурно, но сухо.

Софья Тихоновна лежала на узкой, поставленной у стены постели и говорила «здравствуй» новому дню. Старалась сделать так, как подсказывали всей России телевизионно-журнальные целители, психологи, провидцы, экстрасенсы, мудрецы и просто доброжелательные люди: проснись и скажи новому дню с улыбкой – здравствуй!

Постель мягкая, теплая и использованная телом до удобных ямочек. Сколько еще улыбок удасться отдать неяркому свету, пробивающемуся сквозь серебристые плотные шторы?..

Встать не хотелось совершенно. Думы баюкали и продлевали мир, не готовый к новому дню, мир сновидений, облака из грез; в мысли вплетались воспоминания о былом...

Пока лежишь и тихо щелкают ходики, все выглядит иначе. Ноющие в пасмурные дни ступни уютно спрятаны под одеялом, не зябко. И тело кажется прогретым, гибким и совершенно молодым, послушным.

А стоит встать, иллюзия развеется. Из зеркала глянет малознакомая седая женщина с верящими только прошлому глазами... Чужая. Зеркалу и внутреннему состоянию.

Пока лежишь, баюкаешь воспоминания, все кажется другим. Свершенное и явь переплетаются, ты снова молода, здорова, спина не ноет, не напоминает скрипом о годах, дела, намеченные с вечера, представляются легко-выполнимыми...

Утром в постели с прогретыми ногами все выглядит иначе...

Но стоит встать у зеркала... Увидеть визави... И не захочется здороваться с седоволосой дамой, где губ не видно без помады...

Как серо, однако, это утро!

Скорей бы облетела листва с огромного вяза и в комнату проникло больше света!

Пусть зимнего, пусть стылого, но – света!

Софья легла на бок и повернулась к стене.

Печально без Клавдии.

Сотни раз готовила себя к жизни без старшей сестры, убеждала: «Это неизбежно. Когда-нибудь ты обязательно останешься одна!»

Но оказалась не готова. Наверное, что-то подобное происходит и с отражением в зеркале. Пока не подойдешь лицом к лицу, не убедишься, как все это есть без прикрас и путаных иллюзий... Одиночество и седина неизбежны, но к подобному следует привыкать постепенно. Кому-то для этого требуются годы, кому-то месяцы, недели...

Мимо комнатной двери тихо прошаркали тапочки.

Теперь не надо прислушиваться и разгадывать: кто пошел на кухню?

Это Наденька проснулась и пошла ставить чайник...

Сначала заглянет в туалет, потом нальет в синий эмалированный чайник воды до половины и поставит на огонь.

Когда вскипит, заварит свежий чай. Когда-то заваривала индийский. «Три слона». Теперь без разницы. Который больше по коробочке глянется.

Клавочка тоже любила «Три слона»...

Когда шестилетняя Соня пришла к ней впервые, тоже поила ее чаем. Вот только был ли это «Три слона»?.. Баранки и мягкие бублики были точно...

«Мы сестры только по отцу», – приветствуя и фотографию Клавдии на стене, вздохнула Софа. Папа, тихий нежный папа Тихон Маркович Мальцев. Главный инженер небольшого деревообрабатывающего завода. Он вернулся с войны без левой руки. Но прежде, чем вер-

нулся, Глафире Яковлевне, маме Клавдии, пришла похоронка: «Ваш муж, Тихон Маркович Мальцев, пал смертью храбрых...»

Глафира Яковлевна – эх! – в конце сорок четвертого закрутила роман с красавцем майором-тыловиком... Майор был далеко не холост и где-то даже многодетен. Но об этом не думали в те безрыбно-вдовьи времена. Пришел майор, и ладно...

А впрочем, хватит об этом... Второй женой Тихона Марковича стала мама – Мария Викторовна. Несравненная, добрая и умная. Дама, выдающая книги в техническом отделе районной библиотеки...

Софа тоже книги выдавала... Не сказать что по призванию, а потому, что так решила Клавдия: «Не смогу я тебя студентку пять лет на своей шее держать. Иди работай».

И почему не поступила на вечернее отделение института? Ведь было же желание... Работу библиотекаря и выбирала из-за удобства совмещения с учебой...

Но вот – не вышло. Сначала заболела перед вступительными экзаменами, на второй год – провалилась, на третий...

А что на третий?..

Забыла.

Софьюшка перевернулась на другой бок, свернулась уютным калачиком – «не встану, ни за что не встану, скажусь больной!» – и посмотрела на противоположную стену, где между сервантом и платьевым шкафом висели четыре черно-белые, слегка порыжевшие от времени фотографии. Все, что маме удалось выбросить в окно пылающего дома. Первой мама выпихнула сонную Софьюшку, потом охапку одежды, потом выбросила деревянную шкатулку, в которой хранились документы, памятные мелочи и несколько фотокарточек, а уж потом кинулась обратно за валенками – мороз, февраль, босая Софья на снегу... Вернуться не успела. Потерялась в дыму, и ее, полуобгоревшую, вынесли из дома пожарные...

Папа задержался на работе почти до полуночи... Вернулся уже к головешкам...

После той ночи маленькую сестру приютила Клавдия.

Сначала – пока мама была в больнице, потом, через четыре года, – навсегда.

Мама боролась за жизнь долго. Отец не выдержал ее мук и умер от разрыва сердца, а она все цеплялась – больными, незаживающими руками, заставляла изуродованное – но такое родное – лицо улыбаться дочери...

Соседи по барaku, куда переселили погорельцев, жалели. Помогали, чем могли, но основную заботу о маме взяла на себя подрастающая Софьюшка... Научилась печь оладьи и морковные котлеты, чисто прибирать микроскопическую комнатку с осевшим деревянным полом и кипятить белье...

Когда маму снова увозили в больницу, у нее всегда были свежие сорочки – уже не бело-снежные, но обязательно отглаженные, с подштопанными хлопковыми кружевами. Гордость Софьи.

В одной из этих маминых рубашек умерла и Клава...

Когда-то она была полная, дородная, но к старости усохла, и рубашки мамы стали ей совсем впору. Более полувека хранила Софья две сорочки как память, но когда Клавдия попросила одну из них вначале померить, не пожалела – отдала.

Она вообще не могла ни в чем Клавдии отказать. Ни словом, ни делом. Клавдия не позволила забрать сестру в приют, привела в этот дом сразу после похорон и, указав на узкую кровать возле стены и поправляя на подушках вязаные накидушки, сказала так:

– Вот, Софья. Будешь жить здесь. Я вдова, ты сирота, вдвоем сподручней.

Покойного мужа сестры Эммануила Сигизмундовича Софья помнила плохо. Робела чужого задумчивого мужчину. В шесть лет он казался ей почти стариком – тридцать пять лет, весь высохший, залысины! – рядом с прелестной юной Клабочкой. Он первым начал называть ее Софой, дарил леденцы монпансье, невнимательно выспрашивал о здоровье Марии Викто-

ровны, безучастно просил передавать поклоны и уходил в свою каморку без окон к каким-то непонятным приспособлениям и предметам, к запаху горячего металла и химикалий, которого не вытягивала до конца крошечная вытяжка под потолком. Колдун, алхимик, высохший над фолиантами чернокнижник из маминых сказок... Теперь в его каморке кладовая... Память занавешена старыми тулупами и пальто с изъеденными молью воротниками...

А в пятьдесят втором Эммануил исчез. Клавдия много лет скрывала, куда и как, и только после школьного выпускного вечера Софьи призналась. Разоткровенничалась с повзрослевшей сестрой и рассказала историю семейного предательства. Всплакнула и приказала навсегда забыть фамилию Кузнецовых.

– Нет у нас такой родни, Софья, – сказала, строго поджимая губы. – Лида письмо прислала, каялась, мол, ни при чем она, Михея это грех. Но ты – забудь.

А Софья родственников Кузнецовых и так почти не помнила. Какие-то странные суматошные люди с тюками. Жили за занавеской, потом уехали. Собрали тюки, оставили после себя запах прелой овчины и кирзовых сапог и навсегда исчезли...

Уже гораздо позже нашла Софья поздравительную открытку в почтовом ящике: Марина из Перми желала доброго здоровья и долгих лет.

Марина-Мария-мама... От имени протянулась цепь ассоциаций, и Софья ответила.

Оказалось, что, ничего не зная о грехах отца, писала дочь Лидии.

...Софья Тихоновна перевела взгляд по стене налево, с портрета мамы на фотографию Клавдии: молодая отчаянная красавица с прической «перманент». Жесткий воротничок без кружев просится под пионерский галстук... И в миллионный раз удивилась, как не похожи две ее любимые женщины. Мама – тихий ангел с кроткой улыбкой и дерзкая уверенная московская барышня с камвольного комбината. Прядильщица.

И также в который раз, думая о Клавдии, поразились, сколь много доброты скрывалось под маской громогласной бой-девицы. Директриса библиотеки, где сорок шесть лет проработала Софья Тихоновна, как-то, подвыпив на новогодней вечеринке, неловко пошутила:

– Ваша сестрица, милейшая Софья Тихоновна, напоминает мне приснопамятный ананас, уж вы простите. Снаружи колкая и шершавая, изнутри, мгом, вполне употребима...

Вполне употребимой нашел тридцатидвух-летнюю Клавдию и Дмитрий Яковлевич Родин, монтер камвольного комбината неполных тридцати лет. Однажды вечером Клавдия привела его в дом, представила Сонечке и раскраснелась:

– Вот, Софа. Это мой жених. Он будет жить здесь.

Монтер поставил за шкаф облезлый чемоданишко с железными уголками и вынул из-за пазухи бутылку сладкой мадеры.

Через двадцать лет на поминках Дмитрия Яковлевича на столе стояла похожая бутылка с мадерой...

...Много незримых покойников собирается вокруг все так же узкой кровати, много. Вон, из зыбкого сиреневого сумрака выплывает папа... совсем молодой, могуче сильный – подбросит вверх на одной руке, поймает, защекочет! Прошла вдоль штор Клавдия – с пылкой юной улыбкой на усохших губах... Геркулес беззвучно спрыгнул с подоконника, разгоняя серебряную утреннюю муть...

Мама на фотографии смотрит вдаль и вглубь. Все улыбаются со стен, кто с дерзостью, кто с вдумчивой печалью, кто с тихой радостью... Великолепный снимок Лемешева в образе Вертера Массне чуть дальше... В шестьдесят третьем Софьюшка впервые попала в оперу и влюбилась в пожилого тенора до слез.

Мама тоже обожала Лемешева...

Последние ее слова были: «Как жаль... Я больше не услышу Ленского... И не приеду в Ленинград... Так хочется еще – хоть раз! – пройтись по Эрмитажу!»

Потом ушла в беспмятство...

Мама была другой. Совсем другой. Она стеснялась дворянского звания и прятала исконную фамилию до последних дней. Лишь незадолго перед смертью велела: «Гордись! Твой род идет из глубины веков и связан с величайшими фамилиями России».

Как жаль, непоправимо жаль, что времена достались Софье жестокие. Непомнящие. От титулов и славных званий остались только четыре фотографии да матушкин нательный крест...

– Эй, Софья Тихоновна, вставай! Кончай лениться, чай поспел! – В дверь комнаты ударил бестрепетный кулак соседки Нади.

Софьюшка вздрогнула, и по щеке скатилась теплая слеза.

Оказывается, плакала...

Чай пили на кухне, по-походному. Сидели за столом-тумбой полу-боком, Надежда Прохоровна нарезала докторской колбаски для бутербродов и, подкладывая их на тарелку Софьюшки, расписывала план мероприятий на утро:

– Я пойду к Таньке Зубовой. Ты погуляй возле гаражей, присмотришь, откуда праздный люд стекается или – куда. Понятно?

Есть каждое утро чужую колбасу Софья Тихоновна стеснялась. Это чувство особенно усилилось после того, как все благодеяния хлопотливой Надежды Прохоровны стали принадлежать исключительно ей одной. Раньше все эти колбасные благоденствия равнозначно делились на двух сестер, привычку урезать расход продуктов на одну треть Надежда Прохоровна еще не приобрела и оттого усиленно подкладывала Софье Тихоновне полуторный рацион.

Софья Тихоновна чувствовала себя немного приживалкой.

И очень жалела, что с уходом из ее жизни Клавдии исчезла и манера принимать подобные трапезы как должное. Клавочка упрощенно относилась к некоторым проблемам и в безусловно щекотливых положениях обычно отвечала:

– Дают – бери. От Надьки не убудет.

По совести говоря, Надежда Прохоровна и сама так считала – не убудет от нее. Разбогатея она внезапно, еще никак не могла привыкнуть и придумать, на что, кроме продуктов и бытовых мелочей, можно истратить такие деньжищи.

Два года назад в Питере скончалась ее единственная родственница – двоюродная сестра Елизавета – и оставила в наследство двухкомнатную квартиру в историческом центре Петербурга.

Квартиру продали совестливые риелторы, и теперь Надежда Прохоровна считалась не только самой главной бабкой их большого старого дома, но и самой богатой.

– Ты чего еле кусаешь? – заботливо спрашивала. – Налегай, налегай, на улице холодно, подкрепиться следует...

Софья Тихоновна деликатно откусывала кусочек бутерброда.

– Пойдешь к гаражам, оденься поплотнее...

– Зачем?

– Чтобы внимания не привлекать. А то знаю тебя, вырядишься как на парад...

Спорить с человеком, чью колбасу ешь, решила Софья Тихоновна, неловко.

На улице было хоть и холодно, но безветренно. Тяжелые, похожие на ключья мокрой ваты тучи стояли низко и, казалось, только ждали, когда тяжелая великанская рука нажмет сверху на серую паклю и вниз закапает сочащаяся влага, пахнущая, предположительно, лекарствами, больницей и осенней простудой.

Темно-зеленый плащ, в котором Софьюшка обычно выбивала ковры и одеяла, пах пылью и нафталином. Плащ задохнулся в кладовой среди ненужной рухляди, дикая спортивная шапочка сумасшедших расцветок казалась Софье Тихоновне терновым венцом...

Четыре ржавых гаража были ее голгофой. Крестом тяжелым – линялый плащ, снабженная помпоном шапка и пустая котомка из-под картофеля.

Выходя из подъезда, Софья Тихоновна опустила глаза и постаралась проскользнуть мимо соседских окон незаметной тенью. Софья Тихоновна Мальцева – эталон вкуса и безупречных манер! – в лыжной шапке с помпоном, разбитых Клавиных сапогах, с испятнанной котомкой... Уму непостижимо!

Но отказать Наденьке в такой малости, как помощь в поимке мерзкого отравителя, Софья не посмела.

– На твои кружевные митенки все ханурики сбегутся посмотреть! – предрекала Надежда Прохоровна, засовывая руку в платевой шкаф почти по локоть. – Вот, – извлекла из нафталиновых недр ярко-полосатый комок, – шапочка. Бери. И перчаточки пригодятся, холодно.

– Но...

– Бери, бери. Утепляйся. Походишь, помотришь... Никто внимания не обратит – ходит какая-то *старуха* у гаражей, и ну ее. Кому какое дело?

Софья Тихоновна закусила губу и натянула черные вязаные перчатки. «Старухой» она себя вовсе не могла назвать. Если только в лыжной шапке и разбитых сапогах Клавдии...

«Господи, какое чучело!» – подумала, мазнув взглядом по зеркалу, и брезгливо, двумя пальцами, поправила сползающую на лоб шапчонку.

Гаражи располагались через два двора от их дома. Когда-то на их месте, как, впрочем, и почти в каждом московском дворе, стояли сараи. Квартиры окрест были практически сплошь коммунальные, тесные, и многопудовый скарб жильцы предпочитали складывать в уличных сараюшках.

Там же хранились соленья, варенья, запасы неприхотливых овощей, каких-то железяк и деревяшек. Сараи частенько горели, и постепенно все их снесли. Поставили гаражи, потом снесли и их, оставив места только ветеранам и инвалидам.

Но Софья Тихоновна еще отлично помнила, как матери, свешиваясь из окон, кричали: «Эй, Санька, ты моего Кольку не видел?!» – «Видел, тетя Валя! – кричал соседский ребяенок. – Он с Ванькой, за сараями!»

Потом кричали: «Он с Вадиком за гаражами!» Теперь этих гаражей осталось всего четыре, и за ними собираются только бомжи и прочий люмпен.

А вообще говоря, ничего не осталось.

Куда-то пропали пышная сирень и акации вокруг укромных беседок. Повсюду разросшиеся лопухи да жгучая крапива...

Сегодняшние дворы – «благоустроенная» пустыня. Они простреливаются и просматриваются, как контрольно-следовая полоса на границе. Но матери все равно боятся отпускать туда детей.

А раньше... «Колька, ты моего Санька не видел?!» – «Видел, тетя Маша, он у песочницы, в кустах!»

В кустах московских двориков можно было потеряться, заблудиться. Какое множество укромных уголков они дарили дворовой ребятне! В теплом песке девочки лепили куличики и строили «прилавки магазинов». Невдалеке мальчишки играли в «красных и белых»... Тогда весь двор казался маленькой Софье огромным зеленым лабиринтом...

Теперь – пустыня. Огромная проплешина двора, четыре гаража в форме буквы «Г» и мусор. Этот огромный оплешивевший двор не смогли прибрать к рукам даже рачительные столичные градостроители. Глубоко под землей протекала в трубах безымянная речушка. Она размыла каверны, и, когда на этом пустыре решили все же обустроить хотя бы автомобильную стоянку, первый же приехавший бульдозер провалился. Рухнул носом в подземную промоину и почти месяц стоял, обиженно задрав к небу могучий железный зад.

Еле его оттуда достали. Боялись подогнать поближе тяжелую технику.

Софья Тихоновна подбиралась к гаражам легчайшими шагами. Сама себе казалась практически неузнаваемой, прибитой пылью, пропахшей нафталином, подрыхлевшей, осиротевшей собирательницей пустой стеклянной тары.

«Нельзя, нельзя было соглашаться на эту авантюру!»

Но как не согласиться? Права Надежда – ее в этих гаражах любая собака узнает. Она для местных алкашей персона славная, много лет гоняла их по дворам, надев красную повязку дружинника... Надежде незаметно к ним не присмотреться...

Да был бы толк от маскарада...

И почему все сапоги Клавдии так скрипят?!

Ну почему нельзя было хотя бы надеть свои боты?!

Их можно было измазать грязью в первой же луже!

Пока Софья Тихоновна окольными путями подбиралась к гаражам, отчаянно душа в себе брезгливость, Надежда Прохоровна поднималась на второй этаж дома, где жил покойный Петя Зубов.

Петра Авдеевича бабушка Губкина знала хорошо. Был Петя Зубов хоть и инвалид детства, но ветеран труда. В войну с четырнадцати лет к станку встал, несмотря на скрюченную ногу.

И дочь Татьяну знала преотлично. На похороны бабу Надю не позвали и сейчас вряд ли ждали соболезнований, но встреченная вчера вечером у подъезда соседка эти похороны и так в деталях описала. «Пожадничала Танька. Гроб чуть ли не из фанеры, а отпуск на похороны выправила... Вторую неделю халтурить по вечерам бегаёт».

Так что, хорошо зная жадноватую дочь Петра, причину для визита баба Надя выбрала достойную. Приманчивую. И на то, что в беседе ей не откажут, надеялась с полным основанием. Недрогнувшей рукой нажала на звонок и долго слушала, как за дверью кто-то мечется по квартире в войлочных шлепанцах.

Нажала на пупочку еще раз.

Кто-то приложился к глазку, и дверь распахнулась. В проеме показалась Татьяна Петровна, в девичестве Зубова. Рыхлая сорокалетняя малярша в расхристанном халате и ситцевой ночной рубашке. Сквозь жидкий ситчик рубашки просвечивал могучий пупок.

– Здравствуй, Таня, – пробасила бабушка Губкина.

Малярша кивнула, и тощий высокий хвостик из уничтоженных перекисью волос метнулся из стороны в сторону, как телевизионная антенна под порывом сильнейшего ветра. Метнулся, покачался и затих, едва подрагивая в такт движения жующих челюстей стокилограммовой сиротинушки.

– Дело у меня к тебе, Татьяна.

Малярша наконец проглотила какой-то недо-жеванный комок и выдала вопрос, заполненный чесночным колбасным духом:

– Какое?

Но в квартиру не пропустила.

– Да вот, с батюшкой твоим Петром Авдееви чем договаривалась... Кстати, прими соболезнования, царствие небесное Петру Авдеевичу, хороший мужик был... Хвостик-антенна метался, обозначая знаки препинания, Танька доставала языком застрявший между зубов ошметок колбасы.

– О чем договаривались-то, баба Надя?

– Так вот подставку для лампы он мне обещал продать. Мы с ним еще в шестидесятом лампы вместе покупали, моя упала, подставка раскололась, а у него, говорил, где-то такая же завалилась... Черненькая такая, может, помнишь?

Но Танька уже практически не вслушивалась, поскольку магическое слово «продать» было произнесено в начале речи. Татьяна Петровна отступала в глубь квартиры, освобождая дорогу.

Темень узкой прихожей была густо приправлена запахом подгоревшей яичницы. Татьяна втянула живот, пропустила бабу Надю мимо себя и выглянула на площадку, прислушиваясь так, словно разговор велся не о покупке бесполезной лампы, а о продаже слитка золота. Оглядела лестницу и только после этого захлопнула дверь.

– Проходи, баб Надь. Только не прибрано у меня... Володька на работе, детей только что в школу выпихнула...

Мужа Володю Татьяна привезла себе из Клинского района, куда ездила с профтехучилищем на уборку моркови. Влюбилась в кудрявого тракториста и взяла с собой на московскую жилплощадь.

Сейчас семья работала на стройках – Володька всяческую экскаваторную технику освоил, – говорят, неплохо зарабатывал, но новой мебелью в квартире не пахло. Только подгоревшей яичницей и осыпающейся с потолка штукатуркой, поскольку жадна была Татьяна невероятно. И по причине скаредности все завтрашним днем жила. Копила.

Вот только спрашивается: зачем? Когда половицы под ногами ходят, как зубы от пародонтоза...

Татьяна провела гостью в комнату отца. Уставила одну руку в пышный бок, другой сделала круговой жест:

– Ищи. Где эта лампа. – И с горечью добавила: – Вот говорила ему: зачем тебе ремонт? Зачем? Все равно скоро съезжать... А он заладил одно: надо, надо, обои совсем ветхие. – И вздохнула прерывисто: – Вот, доремонтировался.

Дом Зубовых обещали пустить под снос уже лет двадцать. И все это время Татьяна Петровна жила на чемоданах. Уже двое детей на этих чемоданах выросли! А она все ждет и копит, ждет и копит...

И судя по тому, в каком состоянии находятся стены в прихожей – ужас, чернота одна, еще строителями называются! – Петр Авдеевич устал от серого уныния и разорился на дешевые обои в скупой цветочек.

А может, и не разорился, так как это вряд ли. Обои наверняка строительная семейка где-то притырила...

– А сами-то чего с Володькой не помогли? – оглядывая убогую инвалидскую комнатушку, про бурчала Надежда Прохоровна.

Татьяна Петровна выпучила глаза.

А были они у нее изумительные. Выразительно крупные, чуть навывкате и блестяли замечательно – как новые оловянные ложки.

Жаль, что выражать таким глазам нечего. Кроме жадности да глупости...

– Дак есть нам время?! Володька на двух работах, я как проклятая пашу – и дом на мне, и халтуры!.. А он тут пристал: поклейте да поклейте...

– Бесплатно? – вставила между прочим Надежда Прохоровна.

Татьяна смутилась.

– А я и у себя не клею! – окрысилась. – Все равно съезжать! А обои мы ему принесли, вот!

– Ну ладно, Таня. Ты поищи, где лампа.

Татьяна рухнула на колени и, виляя полной задницей, устремила под высокую кровать на сетке.

– Вот, – бормотала, – если только здесь. В шкафах-то я все проверила, там только тряпки.

«В шкафах» звучало громко. Единственный трехстворчатый шифоньер с поцарапанными дверцами наверняка давно и качественно обшарили в поисках возможного наследства.

Татьяна выудила из-под кровати внушительный деревянный короб, разверзла его пасть и загремела железяками:

– Так, это не то. Это не то... А это что? Не то.

Копалась долго. Рачительный батюшка ненужные приборы и предметы разбирает на части и скрупулезно трамбовал слоями.

– Нет ничего, – разродилась наконец с неподражаемым огорчением и понуро села перед коробом на попу. – Баб Надь, а дорогая хоть подставка-то была?

– На сто рублей сговорились.

– А-а-а, – заунывно протянула жадина и на карачках побежала к тумбе под телевизором «Рекорд». – Может, тут упрятал?

– Да вроде бы он говорил, что в гараже она, – «припоминая», проговорила баба Надя.

Татьяна кряхтя поднялась с колен и суетливо забегала оловянными глазками.

– В гараже? – переспросила тихо, как будто чиновники из муниципалитета, пришедшие отнимать родной гараж, уже стояли под дверью.

– Сходи, Таня, посмотри. Я тебе сто пятьдесят рублей дам, уж больно к старой лампе привыкла.

Борьба между жадностью и нежеланием привлекать внимание к незаконной недвижимости происходила недолго.

– Сто пятьдесят?

– Ну, двести!

– Пойдем. Татьяна повернулась к гостье широкой спиной и отправилась в свою комнату менять ночную рубашку и халат на джинсы и свитер.

По дороге к незаконной недвижимости Татьяна, обрадованная перспективой легко заработать двести рэ, разоткровенничалась:

– Я этот гараж сдавать хочу. Отец уже и нанимателя нашел, – пыхла на ходу, и глазеложки – а может, даже черпаки – оживленно посверкивали. – Вроде под склад какой-то. Деньги, они, баба Надя, никогда лишними не будут...

– А кому сдавать? – вроде бы безразлично поинтересовалась бабушка Губкина.

– А кавказцам каким-то. Они уже у Смирновых склад организовали... А я что – хуже?

Если бы не исключительная полосатая шапочка, мелькнувшая на фоне гаражной стены, Софью Тихоновну Надежда Прохоровна не узнала б ни за что. Великоватые Клавдиины сапоги изменили походку, горделивая посадка шеи упряталась под горб заскорузлого плащика...

Надежда Прохоровна опустила руку вниз вдоль тела и сделала товарке незаметный знак ладонью. Мол, уходи, не попадайся на глаза...

Софья Тихоновна посмотрела на подружку с каким-то первобытным ужасом, попыталась объяснить что-то глазами, но та, повторив жест, так дернула подбородком, что Софу буквально сдуло за гаражи.

Прятаться на этой плешивой местности было категорически негде. Только в углу, образованном стойкой и планкой гигантской буквы «Г».

Из этого угла неслись нескромные мужские баритоны.

– О, – сказала Татьяна, – уж с утра начали!

И ходят все, баб Надь, и ходят, куда только милиция смотрит!

Бранящиеся мужики, словно услышав упоминание все карающих органов, моментально затихли.

Татьяна отшвырнула ботинком залетевший под дверь гаража клочок газеты, недолго помучилась с вполне приличным навесным замком и распахнула створки:

– Входи, баб Надь. Смотри, где тут твоя лампа.

Если бы не внушительные накопления хлама, разложенного вдоль стенок, гараж можно было бы назвать довольно прибранным. Вся рухлядь рассортирована на горки: картон, газеты, стопочки выброшенной кем-то на помойку марксистской литературы с бантиками бечевочек поверху. Ящики с пыльными некондиционными бутылками и банками. Тулупы и телогрейки под верстаком. На верстаке тиски и жестянки. В углу коробка, аккуратно зашторенная раскрытым журналом «Огонек».

Надежда Прохоровна вошла в гараж, Татьяна, привлеченная глянцевым блеском «Огонька», сунула нос в угол. Сняла журнал и разразилась:

– Вот тихушник! Водку спрятал! От родной дочери, от зятя – в гараже!

Надежда Прохоровна подошла ближе, глянула Татьяне через плечо: в плотном картонном ящике стояли шесть разнокалиберных бутылок, под горлышко заполненных бесцветной жидкостью.

Насколько разглядела – все с водочными этикетками, одна так вовсе – «Абсолют».

Но впрочем, вряд ли. Рядом с коробкой стояла пустая пластиковая канистра, на горлышко канистры была надета зеленая пластмассовая воронка.

Тут и разливали, поняла Надежда Прохоровна.

Татьяна между тем не поняла ничего. Выдернула из коробки закамуфлированную под изморозь бутылку «Абсолюта», свинтила пробку, понюхала, смочив, лизнула палец:

– Водка. Или спирт. Разведенный.

Надежда Прохоровна пихнула ногой пустую канистру и тихо буркнула:

– Не водка. Отрава.

– Ой! Тьфу! – Отплевываясь, Татьяна тарасилась на бабушку Губкину. – Баб Надь, ты что?!

– А то, – нравоучительно протянула бабулька. – Помнишь, от чего отец помер?

– О-о-ой, – присела малярша на табурет у верстака. – Ой, точно-о-о... – И выпучилась пуще прежнего. – Так ты, баб Надь, ты что... Он сам, что ль, отравился?!

Получалось – сам. Достал где-то технический спирт в пластмассовой канистре, сам разбавил, сам разлил, сам – умер.

Эх, жадность человеческая! Дети – ироды, не помогли отцу обоим поклеить, да и тот хорош – сам помер и еще трех человек в могилу прихватил.

– Да где ж он эту гадость-то взял?! – убивалась Татьяна. – Баб Надь, он ведь издалека эту канистру приволочь не мог! Он буханку хлеба и кефир еле до дому приносил! А тут – восемь литров!

– А ты подумай, – хмуро предлагала отставная крановщица.

– О-о-ой, – голосила сиротинушка. – О-о-ой! Да выбросить эту гадость, и вся недолга! – и потянулась к канистре.

Надежда Губкина схватила Зубову за рукав:

– Ты что, ненормальная, под суд захотела?!

– Какой суд, баб Надь? – окончательно перепугалась малярша и суетливо заерзала по табурету. – Ты что такое говоришь? При чем здесь я?!

– А при том! – авторитетно припечатала Надежда Прохоровна. – Там сейчас один мужик в реанимации лежит. А как очнется, что скажет?

– Что он скажет? – испуганно распахнула оловянные буркала Танька.

– А то он скажет, что отец твой эту водку из гаража принес, да, может, хвалился – пейте, ребята, у меня ее целый ящик припрятан.

– О-о-ой, – по новой заголосила Татьяна.

– То-то же, что – ой. Ты тут все убереешь, следы уничтожишь, а это, матушка, тоже – суд...

– А что ж делать-то?!

– К участковому идти. Мол, нашла в гараже, моей вины тут нет.

- Так арестуют... гараж-то!
- И пусть. Без гаража, зато на свободе.

Относительно мужика в реанимации приукрашивала баба Надя безбожно. Тот уже показания давал и о том, откуда отравы взялась, ничего не показывал.

Но на Таньку слова об уничтожении следов преступления – смертоубийственного! – возымели действие. Ложечные глазки, прощаясь, шарили по гаражу, Татьяна уже прикидывала, что из рассортированного хлама можно снести в приемку утиля...

- Баб Надь, а ты со мной к участковому не сходишь? Ты с ним вроде как близко знакома...

– Схожу, – кивнула бабушка Губкина. – Но и ты сама себе помощи, может, зачтется, когда спрашивать будут, почему сразу о гараже не сказала...

- Да, да, баб Надь. Что делать надо?
- Узнай, откуда отец эту гадость приволок. Кто дал?
- Дак откуда ж я узнать могу?!

Надежда Прохоровна с укоризной оглядела бестолковую сироту:

- Приволочь издалека не мог?
- Не мог.
- Значит, туточки где-то, неподалеку прихватил. А кто у вас еще гаражи под склад сдает?

Татьяна шмыгнула покрасневшим носиком:

- Ну так Смирновы. Кольцовы машину ставят. У Муравьевых тоже инвалидка стоит...
- Ну так иди к Смирновым! – поражаясь бездеятельной, когда дело денег не касается,

сиротке. – Иди узнавай, кому Федя гараж сдавал. Тут у него недавно какие-то ящики картонные разгружали, как раз Колька Шаповалов и перетаскивал.

– Счас, – вскочила Танька. – Счас сбегаю. – Метнулась к выходу из гаража и остановилась уже за порогом. – Но только и ты, баб Надь, не уходи. Сходи потом со мной к Алешке.

- Схожу, схожу, – миролюбиво усмехнулась Губкина. – И гараж пока покараулю...

Татьяна рысью припустила к восемнадцатому дому. Хвостик-антенна дрожал в такт мощным скачкам, старалась негодная дочь вовсе – найти человека виноватее себя.

Баба Надя прикрыла разверстые створки ворот, огляделась по сторонам – нет нигде полосатой шапки, и недолго раздумывая отправилась на розыски Софьи Тихоновны в обход гаражей.

Обратная сторона железных коробок для хранения автомобильного железа образовывала тылом приятнейший уголок: в тихом, закрытом от ветра закутке, на бетонных основаниях, вылезавших из-под задних стенок наподобие скамеек, укрывались от непогоды и любопытных прохожих всяческие алкаши.

Надежда Прохоровна обошла вершину буквы «Г», свернула за угол и... очень быстро поняла причину недавней паники во взоре своей соседки.

На бетонных «лавочках» расположилась неповторимая компания из трех пропитых кавалеров и одной дамы в безумной шапке и плаще бутылочного цвета. Два кавалера с лиловыми распухшими лицами подпирали бока дамы, третий тип – с седой козлиной бородкой, отмеченной под уголками губ коричневыми никотиновыми пятнами, – сидел перед прелестницей на корточках и затягивал «Хризантемы»: «В том саду, где мы с вами встретились, ваш любимый куст хризантем расцвел...»

В чистеньких руках дамы, пардон, мадемуазель Мальцевой подрагивал пластмассовый стаканчик с портвейном.

Сам портвейн стоял чуть левее на разостланной по «лавочке» газетке в окружении натюр-морта из двух яблок с отшибленными коричневыми боками – российскими, натурально-дачными, – раскрошенной буханки черного хлеба и вспоротой баночки кильки в томате.

Компания сидела к Надежде Прохоровне в полуанфас, в расширенных глазах Софьи Тихоновны плескались волны тихого ужаса. Портвейн из подплывающего стаканчика грозился выплеснуться содержимым за голенища растоптанных Клавдиинных сапог.

– Та-а-ак, – с шаляпинской выразительностью возвестила о своем появлении Надежда Губкина и устала руки туда, где раньше была талия. – Та-а-ак...

Козлиное бляение дворового менестреля оборвалось, он обернулся к Надежде Прохоровне...

И главная бабушка околотка еще яснее поняла причину душераздирающего трагизма ситуации.

О хризантемах пел Владимир Викторович Сытин.

Когда-то первая любовь Софьи Тихоновны.

Давным-давно ухаживал юный Володенька за милой Софьюшкой. Водил ее в театры. Встречал с цветами.

Потом вылетел из института, ходил в армию и, вернувшись, застал Софьюшку по уши влюбленную в Борю Штерна из консерватории.

Женился на Любочке.

Весемь лет назад Любочка скончалась, а Володя, уйдя на пенсию с хорошей инженерской должности – институт он все-таки закончил на вечернем, – начал пить.

(И почему так происходит? Вот Клава – двух мужей схоронила, а пить не начала...

Почему бесхозные мужики вечно за бутылкой тянутся?!)

Надежда Прохоровна вздохнула и убрала руки с бывшей талии. Владимир Викторович, шатаясь, разогнулся, подарил мадам Губкиной оскал, составленный из прокуренных передних зубов, и с лихостью подгулявшего трагика изобразил поклон:

– Каки-и-ие лю-у-у-ди-и-и!

Надежда Прохоровна оскал и трагика презрела.

Софья Тихоновна все-таки выплеснула немного портвейна за голенище.

– Так, голуби. Гуляем? Спозаранку...

– «На заре ты ее не буди...» – затынул Сытин.

– Цыц, Володька! Не в опере.

Два прочих кавалера обиженно засопели. Одного из них Надежда Прохоровна знала – обормот Сережка Васильев из тридцать пятого, второй представитель братства шаромыжников в просаленной, когда-то синей куртке показался ей неизвестным.

– Вот что, голуби, – взялась бабушка Губкина за них с пристрастием, – скажите-ка мне, кто недели две назад фургон в гараж к Смирновым разгружал?

Владимир Викторович недоуменно задрал брови, два шаромыжника заерзали глазами, тот, что оставался неопознанным, бочком-бочком отодвигался по бетонной «лавке» в сторону от Софьи Тихоновны.

– Не врать! – грозно прикрикнула бабушка Губкина. – Один был Колька Шаповалов!

Шаромыжник опустил голову, поднялся на ноги и, сделав вид, что его здесь больше ничего не интересует, заторопился по делам.

– Стоять! – гаркнула ему в спину бывшая дружинница Губкина.

Тип в куртке остановился, воровато оглянулся на собутыльников, во взгляде читался недоуменный вопрос: «Вы что, братцы... какая-то старуха тут кипеж поднимает, на братана вопит, а вы – в кусты?!»

Но братцы мадам Губкину знали с детства. И потому вступаться не отваживались.

Надежда Прохоровна поняла, что угадала правильно.

Зачем при разгрузке фургона искать работяг на стороне, когда достаточно свернуть за угол, и вон они вам – работнички в полный рост. Сидят, бетон задами греют. За полчаса любую фуру раскидают и много не попросят. Если только на тушение вечно тлеющих «труб».

– Ты, что ль, с Колькой фургон разгружал? – прищурилась бабушка Губкина. Шаромыжник безразлично пожал плечами, картинно зевнул и спрятал замызганные кулаки в карманы куртки.

– А что грузили?

Тип скорчил мину и посмотрел на ворон, богато усеявших лысый тополь.

К доверительному разговору он, факт, расположен не был.

– В ящиках булькало? – допытывалась Надежда Прохоровна.

Тип скосил глаза с ворон на мусорные бачки.

– Булькало, – сама себе ответила Губкина. —

С вами спиртом расплатились?

Безмолвствующий собеседник поднял к уху одно плечо.

– Понятно. Сами стащили. Без спросу.

Глубокий вздох случайно оставшегося в живых воришки сказал о многом.

– А сам-то что ж не пил? – усмехнулась следовательница.

– А он уже и так еле на ногах стоял, – вклинился в одностороннюю «беседу» обормот Васильев.

– Повезло, значит, – глубокомысленно вынесла мадам Губкина.

– Повезло, повезло! – радостно согласился разговорчивый обормот.

– А чего ж в милицию не заявили? – укорила баба Надя.

Общающийся на языке тела синекурточный шаромыжник позволил себе звук – возмущенно фыркнул и покрутил головой.

– А куда Степке в милицию? – разоткровенничался Васильев. – Он по справке гуляет...

Откинулся только что...

– Так ты бы, Сережа, к Алеше ходил! Ведь знаешь его! Соседи!

– А я чего? – развел руками обормот. – Я в милицию стучать не нанимался...

– Понятно, – буркнула Надежда Прохоровна, подошла к Софье Тихоновне и, вынув из ее остекленевших пальцев стакан, который тут же бережно подхватил Васильев, сдернула ее с «лавочки». – Пошли, Софа, отсюда...

В небольшом кабинете участкового закипал на тумбе электрический чайник. На подоконнике сидел сизый голубь и из-за стекла наблюдал, как Алеша вытряхивает из жестяной банки в чашку остатки растворимого кофе. Кофе было совсем чуть-чуть, и Алеша прикидывал, не сбегать ли за добавкой в соседнюю бакалейную лавку... А еще лучше домой, борща поесть...

Дверь в кабинет распахнулась без предупредительного стука, и участкового накрыло зыбкое ощущение дежавю. Величавой поступью, с черным пакетом в руках, в кабинет заходила Надежда Прохоровна Губкина. Вошла, поставила пакет на стол – тот замер торчком, как восклицательный знак, предвестник неприятностей, – и села на расшатанный стул. Но дверь за собой почему-то не закрыла.

– Иди, Таня, иди, – крикнула, полуобернувшись.

К замершему над чашкой участкового, кланяясь и смущенно приседая, вошла толстая... Татьяна Петровна?

Точно – Татьяна Петровна, дочь отравленного инвалида Зубова!

– Вот, Алеша, прими и оформи, – указывая вытянутым перстом на стоящий стоймя пакет, приказывающе пробасила Губкина.

– Что это? – не вполне обретая расшатанное дежавю равновесие, поинтересовался Бубенцов, а в голове мелькнуло: «Неужто снова Геркулес?! Откопанный, уже окоченелый в сидячей позе?!»

– Контрольная закупка, – довольно информировала гражданка Губкина и, когда у участкового округлились глаза, добавила: – Шучу. Оформляй Татьяне добровольную выдачу.

– Выдачу – чего?!

– Глаза разуй, – посоветовала вредная старуха. – Спирта! Тут только одна бутылка, для экспертизы...

Алеша размотал пакет; Татьяна Петровна, из которой протокольная атмосфера кабинета выбивала по всему лицу бисеринки пота, суетливо-добровольно квохтала:

– Вот. Надежда Прохоровна подтвердит. Только сегодня в гараже нашла. Нашла и сразу к вам, Алексей Андреевич...

Бубенцов отвинтил крышечку бутылки. Понюхал.

– Палёнка?

– Она, родимая, – утвердительно качнулся алый губкинский берет. – Колька Шаповалов у каких-то кавказцев стащил, у Петьки Зубова в гараже спрятал, там же и разлили. В ящике еще бутылки остались. Так, Таня?

– Так, так. В точности так, – закивала сирота.

Пораженный участковый осел на стул и недоуменно уставился на свою бывшую няньку: «Вот это номер. Недельку с лишним над этой закавыкой бьюсь, а баба Надя... суток не прошло...»

– Ты, Алеша, оформляй давай. Грузовик со спиртом десять дней назад в гараж к Смирновым разгружали. Грузили Коля и еще один приятель.

Фамилии не знаю, но ты сам найдешь – зовут Степан, ходит в синей куртке, один рукав надорван, недавно освобожден. Они восьмилитровую канистру сперли, в Петин гараж тихонько перекинули и там разбавили. Пиши.

Информацию баба Надя выдавала с точностью умелого опера, в голове Бубенцова безмозглым мотыльком порхали мысли: «Интересно, где Талгат Геркулеса закопал?! Надеюсь, надежно, глубоко и неподалеку...»

Шестой час из комнаты Софьюшки доносились только музыка и пение приснопамятного Владимира Алексеевича Козина. «Я вас любил всей страстью увлечения, как жалкий раб лежал у ваших ног...»

Плохо дело, вздыхала Надежда Прохоровна Губкина, на восьмой повтор романс пошел...

Очень хорошо она себе представляла, что творится сейчас за дверью соседки. «Но день настал, и вы... вы – изменили...» Софочка лежит на кушетке, не глядя уставившись на листву за окном, руки перекрещены на груди, в одной из них зажат пульт управления музыкальным центром.

(Этот волшебный, почти целебный аппарат, включающий в себя магнитофон, проигрыватель для лазерных дисков и радио, подарила ей на позавчерашний день рождения Надежда. Подарила не просто обвязанную лентой коробку, а еще и попросила соседского Павлика, внука доктора Матвеева, записать (кажется, парнишка сказал «нарезать») для Софы на диски все, что тот найдет из репертуара Козина, Лемешева и Лещенко (не Льва, разумеется, а Петра).

Подарок получился – шикарный.

Надежда Прохоровна не знала, что делать с богатством, свалившимся так внезапно, и, дабы не обидеть благодеяниями (особенно Софочку), подарки делала осторожно. К праздникам. Клавдии – пальто на Новый год и ботинки к женскому дню. Софе – магнитофон и цветочный горшок под разросшуюся монстеру...

«Я вас забыл как сон – пустой и ложный. Так отчего ж, скажите мне теперь, стучитесь вы рукой неосторожной в закрытую для вас уже навеки дверь...»

Плохо дело, в который раз вздохнула Надежда Прохоровна. Если бы поставили Лемешева или цыган каких, переживать бы так не стоило. А вот Владимир Алексеевич вечно ей душу надвое серебряным голосом режет...

Из-за двери донеслось «Зима, метель, и в крупных хлопьях...».

– У-у-у, – пригорюнилась Надежда Прохоровна. Если и этот романс на повтор поставит, совсем, значит, раскисла. Расклеилась.

«У входа в храм одна в лохмотьях старушка нищая стоит...»

Ну хоть бы обругала, что ли! Отвела сердце.

А то, как пришли, и пальтишко даже не скинула, а сразу в свою комнату, и дверь на ключ...

– Софа! – постучала Надежда Прохоровна в эту дверь. – Я в булочную иду. Тебе чего надо?

«Так дайте милостыню ей, о, дайте милостыню ей».

Музыка прервалась, сделала паузу и по новой грянула «Зима, метель...». Надежда Прохоровна надела берет, повязала на шею платок и, чуть не забыв про пальто и ботинки, отправилась в соседнюю булочную за конфетами и тортом. Обязательно бисквитным, с толстым слоем шоколадного крема, желательным – «Сказкой». Такой, как любит Софочка.

Особенно виноватой, по правде говоря, баба Надя себя не чувствовала.

Не повезло – нарвались на дурошлепа Сытина.

А так...

А так растормошить хотела Надя Соню! Развеять! А то совсем после Клавиных похорон расклеилась подружка...

Надеялась – немного отвлечется. Развеселится Софьюшка. Появится забота, а после посмеемся вместе...

Но вот не вышло. Только хуже стало.

Софья Тихоновна лежала на кровати, застеленной шелковистым покрывалом – подарок Наденьки на Рождество, – и шевелилась только затем, чтобы повторить или пропустить очередную романс. Двигала одним пальцем, на ощупь находя на пульте нужные кнопки...

По стенам металась тень, ветер за окном трепал ветви вяза, закатные отблески розоватыми пятнами ложились на голубые обои. Неяркие лучи пробивали стекло серванта и тускло ломались на стеклянных гранях старых фужеров.

Как знаменательно гадко начинался этот день!

Наденька сказала: старухи.

Она давно сжилась с возрастом, обвыкла в нем и позволяла себе шутить...

А у Софочки такие слова с языка не спархивали – падали камнями...

Как-то в универмаге она потеряла Клавдию, разволновалась и, опрашивая покупателей и служащих, забыла слово «пожилая». Вот вылетело из головы, и все! «Пожилая женщина в белом берете...»

Софьюшка бегала по торговому залу и спрашивала каждого встречного: «Вы не встречали даму преклонного возраста в вязаной белой шапочке?»...

Сказать про восьмидесятилетнюю сестру старушка язык не повернулся.

А сегодня про нее саму – старуха. «Кто внимание обратит...»

Или это было вчера?..

Старуха. В шестьдесят с крошечным, совсем крошечным(!) хвостиком...

И обратили же внимание!

И – кто!

Володя Сытин... Именно он впервые привел шестнадцатилетнюю Софью в оперу. Именно его она схватила за руку, когда запел божественный Лемешев...

А он сидел не шелохнувшись. И пальцы Софьюшки отпечатались поверх его ладони красными влажными отметинами.

А потом он повел ее к служебному выходу из театра...

Там стояли знаменитые лемешистки...

Многие тогда показались Софье до смешного старыми. Старыми восторженными артефактами, ископаемыми в лисьих воротниках и брошах.

Лемешистки бросились к своему кумиру, забросали, запорошили его барское богатое пальто лепестками цветов. Лапки выделанных лис путались между собой, оскаленные мордочки со стеклянными бусинками глаз тоже выражали дикий звериный восторг...

Володя и Софа стояли чуть в стороне. Володя пренебрежительно усмехался. По-юношески чутко ревновал подругу к чужому триумфу и таланту...

А артефакты взволнованно лепетали... И было им чуть меньше, чем сейчас самой Софье... И даже не чуть...

Действительно смешно.

Сегодня Володя Сытин не узнал. Прошел мимо, поворачивая за гаражи, и даже скользящего взгляда не кинул... Какая-то *старуха* в скрипучих сапогах...

А у Софы ноги в землю вросли. И шея окостенела так, что не позволила наклонить, спрятать в воротник лицо или хотя бы отвернуться – не узнавай меня, Володя, не узнавай!

И он прошел мимо. Мимо сгорбленной фигуры в выцветшем плаще, мимо разухабистой шапки с задиристым помпоном и стоптанных сапог, в которых ноги болтались, как карандаш в стеклянной банке...

Какое унижение!

И спрятаться негде. Пустырь, четыре гаража.

Когда Надежда показала знак – уйди! – у Софы чуть не выскочило сердце. Подпрыгнуло, зацепилось за помпон и мягким шариком скатилось внутрь. Затрепетало.

Но послушаться озабоченной чем-то Нади Софа не посмела. У той был такой сосредоточенно-деловой вид, она занималась *делом*, а не просто по улице гуляла...

И Софа пошла за гаражи. И столкнулась с Володей...

И он узнал – мгновенно. Тогда даже мысль появилась: опохмелился и стал зорче?

Схватил за руку, поволок к друзьям с лиловыми лицами и не задумался спросить: «Как дела, Софьюшка? Почему так странно выглядишь?»

Он принял ее маскарад за обычай. Решил, что старая любовь уподобилась ему и теперь всегда такая: в безумной шапке, скрипучих сапогах и пальто, пропахшем нафталином...

Неповторимое фиаско!

Два немытых тела стиснули с обеих сторон, в скукоженные пальцы вставили гадкий стакан с какой-то липкой дрянью и... «Хризантемы»... Обдающие запахом перегара в лицо...

А ведь когда-то...

«К чему, зачем будить воспоминанья? Их удалось мне в сердце заглушить... Поймите, что любовные страдания легко простить, но нелегко – забыть...» Эх, Владимир Алексеевич, Владимир Алексеевич, Козин, божественный... За что так поступили с тобой люди? Не простить гению слабость и увлечения!..

Жестокий век, жестокие сердца...

Софья Тихоновна вздохнула и легла на бок.

Не понимает она нынешних времен... Не понимает, отказывается понимать. Сейчас все иначе. Прощается многое и даже невозможное...

Молодежь другая, в библиотеках только фантастику и детективы разыскивает, если ты не студент и не школьник, девушки берут романы и глянцевого журналы про кино-звездную жизнь...

Не понимаю – куда все делось?!

А у Надежды – просто.

– Ничего, Софа, не изменилось. Девки пляшут, парни смотрят.

– Нет, Надя, нет! Они – другие! Зашоренные, злые...

– Ничего они не другие, – не соглашалась соседка. – Ты по своей библиотеке судишь, а приди на танцы – все то же. Хороводы под другую музыку водят, а так – все то же. Девки пляшут, парни смотрят. Целуются, да после плачут...

– Это физиология, – отвечала Софья, – она неизменна. А я о душе говорю! Душа не успевает расправиться, ее пускают в путь на неокрепших крыльях! А так – до солнца не взлететь!

– Кому надо, – говорила Надя, – тот и сейчас до солнца взлетит.

«Метафоры, метафоры... Наденька мыслит иными, здоровыми категориями, и, пожалуй... права она. Не я. Это мы меняемся, становимся требовательными, поскольку времени у нас – мало. Жаль его на пустяки разминивать...»

А зря, пожалуй. Девки пляшут, парни смотрят – и так до скончания веков, так было и так будет, все неизменно в лучшем из миров...

Алеша Бубенцов понуро плелся через двор. Сзади бухали кирзовые сапоги дворника Талгата.

Оба чувствовали себя виноватыми. Ходили парни вдвоем на могилку Геркулеса, но в разворошенной ямке никаких следов почившего кота не обнаружили – только обрывки полиэтилена и многочисленные следы когтистых собачьих лап.

Разрыли Геркулеса. Вновь эксгумировали, теперь для целей собачьего пропитания.

Вот неудача-то! Алеша и Талгат весь скверик и близлежащий пустырь обшарили – ни одного клочка меха, ни одного кусочка праха!

– Алешка, – бормотал сзади Талгат, – а я ведь глубоко копал. Ты ямку видел – большая...

Во время розысков праха дворник вспомнил, как называл всю жизнь участкового лейтенанта Алешкой и извинялся по-панибратски.

– Да ладно, Талгат, проехали...

Мужики сели на лавку перед подъездом, Алеша достал пачку LM, переломил крышечку и протянул сигареты дворнику.

– Дак не курю я, – вздохнул тот.

– А...

Неудача с кошачьим трупом уничтожила хорошее настроение, повергла навзничь. Два часа назад непосредственный начальник Алексея капитан Муровцев хвалил при всех лейтенанта Бубенцова.

Четыре «висяка» списали одним махом! И виновник всех бед скончался, дело закрыли без лишней писанины, волокиты. Кэп Муровцев добродушно шурился и намекал: пора взростеть, Алексей, пора «старшим» становиться.

Кавказцев, что наняли гараж под склад, нашли довольно быстро. У Смирнова номер их сотового телефона оказался. Те разводили руками, мол, знать не знали, что грузчики канистру с техническим спиртом куда-то уволокли. Инвалида на костылях, что в соседнем гараже копошился... да, видели. Но заподозрить, что к нему быстренько перебросили канистру... увольте, не видали.

Через полчаса растревоженные кавказские гости приволокли в отделение милиции три банки половой краски – у вас, уважаемые, полы совсем облупились, примите, не побрезгуйте, – начальник хозчасти, разумеется, не побрезговал, и тему посчитали свернутой.

Алеша ходил гоголем примерно до половины седьмого.

Потом наведаясь к Геркулесовой могилке и гоголевское настроение растерял. Сидел на лавочке с Талгатом и мысленно ругал себя последними словами.

Вот дуrolом! Правильно баба Надя говорила: лентяй и голубь! Только бы порхать бездумно да пожилых людей обманывать!

Что стоило оставить Геркулеса хотя бы в морге у экспертов?!

Сейчас бы просто поехал в ветеринарный институт (ведь уже и по телефону договорился!), сдал бы им труп кота на экспертизу – и сват министру, кум королю. Получите, Надежда Прохоровна, документы на вашего котика...

Н-да, классический облом организованся...

И мало того – баба Надя, божий одуванчик, нос утерла! Что стоило Алеше самому посидеть спокойненько да мозгами поворочать? Ведь знал же все. Все исходные данные, как и у бабы Нади, перед носом были! Шаповалов вечно отирался возле гаражей. Зубов еще недавно туда машину ставил. Малолетний Алеша даже сидел не раз в этом инвалидском «запорожце»! Сидел у дяди Пети на коленях и тихо гладил странную изогнутую педаль на руле, отполированную до блеска прикосновениями большого пальца. Все удивлялся: надо же, как тут разумно устроено – ноги в езде участия почти не принимают...

Что стоило ему подумать и свести воедино двоих людей у одной-единственной точки – у гаражей?!

А еще говорят, мозги от старости усыхают...

Не усыхают! Крепче становятся!

А у Алеши один кисель под фуражкой полощется...

Талгат вздохнул, похлопал участкового по плечу и потопал к своей подвальной каморке, где Алия, наверное, уже плов приготовила. Или мантов наvertsела...

Алеша поднял голову вверх и посмотрел на темное кухонное окно сороковой квартиры.

Ну кто мог заподозрить в гражданке Губкиной такие следственные таланты?! Меньше чем за сутки связала – как носок, право слово! – все концы воедино и вывела на канистру. Расколола пышнотелую Татьяну и приволокла вместе с бутылкой в опорный пункт, пред его, Алеши, светлые очи...

А ведь на следствии молчала сирота, как зомби. Глазищами стальными хлопала и твердила: ни сном ни духом, где папа водку взял.

И про гараж ни гугу.

Темнила!! Влепить бы ей за противодействие да сокрытие... Сколько нервов начальники истрепали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.